
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Российская трансформация: становление мировой державы?

Дэвид ЛЭЙН

Россию часто обвиняют в том, что она представляет экономическую и военную угрозу для Запада, однако Д. Лэйн, известный британский социолог и политолог, чьи работы не раз публиковались на страницах журнала «Мир России», заключает, что подобные опасения не имеют под собой никакой почвы. Однако в отличие от большинства резко настроенных против России западных авторов, он также признает, что специфическая модель, которой сегодня следует наша страна, является для нее более желательной альтернативой участию в процессах глобализации на условиях неолиберализма. Обоснованию этой довольно неожиданной для западного ученого точки зрения посвящена настоящая статья¹.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, государственный капитализм, национальное государство, мировая держава

Вхождение России в мировую систему

Главным мотивом реформ в позднем СССР и всей трансформационной политики в постсоветской России были включение страны в мировую экономическую систему на правах если не одного из ведущих, но во всяком случае значимого игрока и усиление политического влияния России на Западе. Призыв Горбачева к «воссоединению СССР с европейским домом» не был забыт администрацией первого российского Президента Бориса Ельцина, который стремился добиться признания России как полноправного члена клуба развитых капиталистических стран.

В начале 1990-х, чтобы продемонстрировать остальному миру свою открытость и приверженность международному сотрудничеству, российские политики поддержали американские действия в Ливии и Ираке, а также одобрили введение санкций против Югославии. Во многом благодаря этому Россия была принята в Международный Валютный Фонд (МВФ), Совет Европы и прочие международные организации. Однако Запад не спешил открывать перед Россией все двери. Несмотря на то, что согласно Римскому договору (1957 г.) любая страна Европы могла стать членом Европейского экономического сообщества (и присоединиться к Евросоюзу, который устанавливает правила членства в этих организациях), было очевидно, что в отличие от стран Центральной Европы и ряда бывших советских республик, включая страны Балтии, Запад не готов принять Россию ни в один из

¹ Вниманию читателя предлагается перевод статьи, опубликованной в *The European Union and World Politics*. Gamble A., Lane D. (Eds.). London: Palgrave Macmillan, 2009.

этих союзов. Россия рассматривалась как экономически слабое и политически нестабильное государство, по-прежнему располагающее значительным военным потенциалом, подстегнувшим ее недавних союзников из Центральной Европы к вступлению в НАТО.

Внешняя политика Ельцина не осталась без внимания оппозиционных сил, которые сочли его действия де-факто капитуляцией перед Западом. В результате, начиная с 1992 г., российский президент был вынужден проводить более жесткую линию в отношении США и сменить свой внешнеполитический вектор на «евразийский». Однако на фоне слаборазвитой экономики и неустойчивости политического лидерства это решение только укрепило имидж России в качестве маргинального государства в восприятии ведущих западных стран. Страна значительно сократила свое влияние в третьем мире и практически утратила его в Центрально-Восточной Европе. В итоге конфронтация Россия – НАТО в вопросах по Косово, экспансии альянса на восток, расширение американской системы противоракетной обороны были проигнорированы западными странами. К моменту прихода Путина к власти в 1999 г. Россия столкнулась со значительно разросшимся Европейским Союзом и НАТО, чье присутствие отныне простиралось от российско-польской границы на западе, северо-западной границы с прибалтийскими странами до южной границы с Турцией, стоящей на полпути в НАТО и Евросоюз.

Россия не только проиграла на внешнеполитическом фронте – еще хуже обстояли дела внутри страны. Перед радикальными политическими и экономическими преобразованиями в момент своего прихода во власть в 1991 г. Борис Ельцин располагал значительной поддержкой населения. В интересах элиты он возглавил процесс передела собственности в стране, начало которому было положено переходом к англо-американскому типу рыночного капитализма при относительном плюрализме в политической сфере. Однако ранним ожиданиям, на которые была сделана ставка, не было суждено сбыться: масштабы финансовой помощи со стороны международных организаций оказались существенно меньше обещанных, поскольку условия ее предоставления, выдвинутые МВФ и Европейским союзом, жестко привязывались к уровню развития рынка, «гражданского общества» и приватизации. Отток капитала, вызванный свободным перемещением активов, фактически обрекал страну на стремительно растущую бедность за счет формирования нового класса капиталистов – «олигархов», предпочитающих жить за границей. Доверие к руководству страны было окончательно подорвано, когда в 1998 г. правительство доказало свою несостоятельность по части исполнения финансовых обязательств.

Вызванный переходным периодом упадок российской экономики, отраженный в показателях валового внутреннего продукта, был сопоставим с упадком советской экономики во время Великой Отечественной войны в период с 1941 по 1944 гг. Массовая безработица, растущий уровень бедности, резкое сокращение населения и внутренние конфликты, до предела обострившиеся в отдельных республиках Российской Федерации, привели к дестабилизации политической обстановки в стране и возникновению сильных оппозиционных настроений. Осенью 1993 г. Ельцин вопреки действующему законодательству объявил о роспуске Думы, которая была разогнана с применением танков и артиллерии. Эти действия, равно как и повторная победа Ельцина на очередных президентских выборах, были под-

держаны западными странами и российскими реформаторами-либералами, которые рассматривали Ельцина как гаранта невозврата к прежней системе.

Несмотря на это, ельцинский режим по-прежнему однозначно ассоциируется с системным упадком Российской Федерации. Если во времена СССР по уровню социального развития Россия занимала 25-е место и лишь немногим отставала от США (18-е место), то к 2000 г., к моменту приходу во власть Путина, она скатилась до 60-го места, а уже в 2006 г. – до 65-го (следующая позиция после Ливии). В 2004 г. по показателю ожидаемой продолжительности жизни Россия занимала 115-е место в мире, следуя за Гренадой [Human Development Report 1990; 2000; 2006]². Советская Россия долгое время представляла собой эгалитарное общество, однако в начале 90-х в результате приватизации стал формироваться новый класс собственников, сконцентрировавших в частных руках значительную часть национального богатства, ранее принадлежавшего всему государству. Крупным городам, таким как Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург, не в последнюю очередь благодаря западному присутствию, удалось сберечь свою экономическую и городскую инфраструктуру, в то время как в остальной части страны приобрели невиданные масштабы депопуляция, безработица и бедность.

Более того, с серьезными вызовами столкнулась и новая российская государственность. Вновь созданная политическая система значительно расширила автономию и инструменты региональных властей в управлении своими территориями, что укрепило их переговорные позиции по отношению к представителям федеральной власти (в западной литературе это явление получило название «асимметричный федерализм»). Это привело к тому, что центральное правительство натолкнулось на серьезные трудности с исполнением федерального законодательства на местном уровне и, в частности, оказалось не в состоянии собирать налоги, платить которые отказывались не только региональные власти, но и местные компании. Также, поскольку Ельцин был вынужден уступить часть своего политического влияния новым промышленным элитам, с которыми он был и без того довольно тесно связан, в конфликтах между различными уровнями властей зачастую находили отражение интересы крупного бизнеса. Жесткий бюджетный контроль, на котором настаивал МВФ, сопровождался острым бюджетным дефицитом, что привело к существенному ограничению денежного предложения и систематической невыплате заработной платы государственным служащим и пенсионерам. До предела деградировала сфера социального обеспечения. Вызванная либерализацией цен скачкообразная гиперинфляция уничтожила сбережения населения, и лишь немногие выиграли от приватизации государственных активов. Вопреки общим ожиданиям страна столкнулась с беспрецедентным по своим масштабам экономическим спадом, резко возросшим неравенством и моральным разложением.

Когда в 2000 г. президентом стал Владимир Путин, экономическая и политическая позиция России в мире, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Россия не располагала ни достаточной экономикой, ни политической волей, ни военной

² В действительности Россия могла занимать по данному показателю более высокую позицию, если учесть, что показатель для СССР был занижен из-за входивших в его состав экономически отсталых стран Центральной Азии. Так, например, ГДР в те годы располагалась на 20-м месте.

мощью, ни уверенностью собственных лидеров, чтобы играть сколько-нибудь серьезную роль в международных отношениях. Но с другой стороны, она унаследовала от СССР некоторые элементы, благодаря которым Россия формально могла быть отнесена к числу мировых держав. Во-первых, несмотря на частичное разоружение, она по-прежнему располагала значительным ядерным арсеналом. Во-вторых, Россия унаследовала от СССР место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. И, наконец, что не менее важно, Российская Федерация занимала крупнейшую в мире территорию и обладала значительными природными ресурсами.

Политика Путина

С приходом Путина в российской политике как внутри страны, так и в международных отношениях произошли серьезные изменения. Новый президент поставил перед собой весьма амбициозную задачу вернуть России роль ведущей мировой державы. Среди главных препятствий, мешавших достижению этой цели, Путин рассматривал следующие: во-первых, чтобы вернуть системе управляемость, федеральному руководству в первую очередь требовалось как можно скорее восстановить контроль над регионами и политическими, экономическими элитами страны; во-вторых, Россия нуждалась в новой идеологии, способной легитимизировать экономику, управляемую государственными политическими структурами; в-третьих, сама экономика нуждалась в реструктуризации и перераспределении излишков, полученных от эксплуатации энергетических ресурсов, в стратегические отрасли, включая научно-исследовательские разработки; и, наконец, последнее, что не мало важно, Российская Федерация должна была вернуть себе вес на международной арене. Все это заставило Россию пересмотреть свои позиции по отношению к США, европейским государствам и другим странам и, в частности, Индии и Китаю. Но привели ли последовавшие изменения к восстановлению статуса России как «мировой державы»? И таилась ли в этих изменениях угроза Западу?

Программа действий, направленных на достижение российскими политиками поставленных перед страной целей, начатая при Путине и продолженная его преемником Дмитрием Медведевым³, включала ряд связанных между собой элементов: введение государственного контроля за деятельностью ведущих российских компаний и их владельцев-«олигархов»; повторная национализация нескольких крупных энергетических компаний; пересмотр контрактов с иностранными партнерами относительно поставки энергоресурсов; стратегические назначения в советы директоров крупных российских предприятий. Господство в политической сфере, снимающее препятствия для реализации данной программы, было достигнуто Путиным благодаря выгодному «контракту» с независимыми источниками власти (промышленной элитой и СМИ). Путин стремился построить государство, управляемое с

³ В мае 2008 г. Дмитрий Медведев вступил в должность Президента Российской Федерации, а Владимир Путин занял пост премьер-министра.

помощью закона, источником которого является президентская власть. Неслучайно идеологической основой этого государства были выбраны такие ключевые принципы как «суверенитет» и «демократия»: вступая в должность исполняющего обязанности президента в 1999 г.⁴, Путин объявил, что «Россия была и останется великой страной. Это обусловлено неотъемлемыми характеристиками ее геополитического, экономического, культурного существования» [Путин 1999].

Внешнеполитические приоритеты путинской России были официально сформулированы в Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом 28 июня 2000 г. В число этих приоритетов, в частности, вошли следующие:

«Обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, обеспечение прочных и авторитетных позиций страны в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы, как одного из влиятельных центров современного мира и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала; [...].

В то же время в международной сфере зарождаются новые вызовы и угрозы национальным интересам России. Усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН» [Концепция внешней политики РФ 2000].

Таким образом, новое российское руководство обозначило свое стремление значительно усилить влияние России в мировой политике, ставшее практически незаметным на фоне более влиятельных международных институтов. Россия не скрывала своего критического отношения к доминированию США в военных операциях НАТО и призывала к передаче ООН больших полномочий по согласованию международных действий в сфере обеспечения глобальной безопасности. При этом в документе неожиданно мало внимания уделялось взаимодействию с Европейским союзом, по поводу которого Путин ограничивался позицией, соответствующей словам Горбачева о том, что Россия, прежде всего, «сильная европейская страна» в идеологическом и культурном плане [Чадаев 2006, с. 188]. Тем не менее, Россия подчеркивала важность укрепления межгосударственных контактов с европейскими странами, в особенности, с Францией, Германией, Британией и Италией. В корне этой политики, по мнению российского руководства, должен лежать переход от однополярного мира, в котором доминируют США, к миру многополярному, в котором один из полюсов могла занять и Россия. Российская Концепция национальной безопасности (2000 г.) содержала, в частно-

⁴ Спустя некоторое время Владимир Путин был избран президентом. Его инаугурация состоялась в мае 2000 г.

сти, упоминания о «попытке создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего, военно-силовые решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права» [Концепция национальной безопасности РФ 2000].

С приходом Путина к власти экономическое положение России оставляло желать лучшего, однако к 2008 г. ситуация изменилась. В период с 1998 г. по 2008 г. темпы экономического роста составили в среднем 6,5% в год (в 2007 г. Госкомстат зарегистрировал прирост ВВП в размере 8,1%) [Российский статистический ежегодник 2008, с. 36]. В конце 2007 г. страна имела \$478 млрд накопленных валютных резервов и в начале 2008 г. располагала стабилизационным фондом объемом 3,8 трлн руб. [Российский статистический ежегодник 2008, с. 33]. Снизились уровни неравенства и бедности: в 2001 г. в России насчитывалось 6,3 млн безработных и 40 млн человек (27,5% населения), живущих ниже официальной черты бедности. К 2007 г. число бедных снизилось до 13,4% населения, а число безработных – до 4,2 млн человек [Российский статистический ежегодник 2008, с. 131, 169]. Однако, несмотря на достигнутые успехи, российское население по-прежнему остается одним из самых бедных в Европе. Уровень рождаемости в России неуклонно снижается, что усугубляется непрекращающейся эмиграцией. Среднемесячная заработная плата в стране на ноябрь 2007 г. составила 13,6 тыс. руб. [Российский статистический ежегодник 2008, с. 169]. Распределение доходов в целом остается крайне неравномерным: лишь небольшой части населения удалось значительно улучшить свое материальное положение по сравнению с советским периодом, тогда как остальное население, в особенности пожилые и пенсионеры, едва ли испытал какое-либо улучшение, если вовсе не стал жить еще хуже. Ситуация эта выглядит не самым лучшим образом в свете мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., который обрушил цены на энергоносители, что в свою очередь крайне негативно сказалось на валютных доходах российской экономики. И тем не менее, финансовые резервы страны все еще остаются весьма значительными.

Россия как новая мировая держава

Несмотря на все эти довольно неприятные факты, в своих оценках путинской России западные авторы характеризуют ее как «возрождающуюся великую державу» [Kanet 2007]. В частности, Никита Ломагин пишет: «В начале 1990-х некоторые американские специалисты по международным отношениям предупреждали, что советская угроза никуда не исчезнет и только приобретет новые черты в новой националистически авторитарной России, щедро наделенной природными ресурсами, людьми и ядерным оружием, угрожающим американской безопасности. Кажется, в 2006 г. этот прогноз становится реалистичным» [Lomagin 2007]. Напористость, проявленная Россией в Концепции внешней политики, встревожила

многих западных исследователей и средства массовой информации, которые в лучшем случае рассматривали Россию как претендента на роль новой мировой державы, а в худшем – действия российской автократии расценивались как попытка возрождения Российской империи.

Ельцин был человеком, разрушившим Советский Союз, тогда как Путин не скрывал своих переживаний по поводу того, насколько губительными для России оказались последствия советского распада. Широкую известность получила фраза Путина о том, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века»⁵. Некоторые западные авторы рассматривают подобные замечания Путина как откровенное желание увековечить империю [Beissinger 2008], хотя в действительности Путин лишь (вполне обоснованно) сожалел о нелегкой судьбе Российской Федерации после развала огромной страны⁶. Для многих писателей и журналистов Россия по-прежнему остается не только политической, но и экономической империей. В чем-то такое «ностальгическое» восприятие вполне оправдано, однако вряд ли найдутся действительно серьезные основания полагать, что Российская Федерация проводит какую-либо целенаправленную и последовательную политику по реконструкции СССР. Заявления, направленные против российского вторжения в Грузию и обвиняющие России в военной экспансии – опять же не более чем преувеличение: Россия не оккупировала Грузию и даже не претендовала на захват ее столицы, а российские войска покинули буферную зону уже через несколько недель после окончания конфликта. С другой стороны, сомнительная «победа», которая заключалась в дипломатическом признании независимости Южной Осетии – области с населением около 50 тыс. человек⁷, считающей себя независимой от Грузии с 1991 г. – никак не характеризует современную Россию как империю.

Западные СМИ рассматривали Путина в качестве враждебной фигуры, что сильно повлияло на общественное мнение. 13 декабря 2006 г. на обложке журнала *The Economist* была размещена иллюстрация, изображавшая российского президента держащим нефтяную трубу наподобие легкого ручного пулемета с надписью 'Don't Mess with Russia', т.е. буквально: «Не шутите с Россией». В 2008 г. Эдвард Лукас, корреспондент этого же журнала по Центрально-Восточной Европе, опубликовал статью под названием «Новая холодная война», в которой автор пишет о том, «как Кремль угрожает России и Западу» [см. также Lucas 2008]. Такие весьма уважаемые печатные издания как *The Economist* и *The Financial Times*

⁵ Послание Федеральному Собранию 25 апреля 2005 года. Текст послания в Интернет: http://www.iskran.ru/cd_data/disk2/r1/030.pdf (доступно на апрель 2010 г.).

⁶ Что становится очевидным из его же Послания (см. сноску выше): «Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию. Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены, многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку. Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией. Олигархические группировки, обладая неограниченным контролем над информационными потоками, обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы. Массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов, паралича социальной сферы».

⁷ Согласно информации на 2008 г. Однако это лишь приблизительная оценка, поскольку в 2002 г. перепись населения в области была сорвана. В 1989 г. население области составляло 99 тыс. жителей.

изображают путинскую Россию как страну, движущуюся к авторитаризму и даже фашизму⁸.

Однако справедливости ради стоит отметить, что подобные мнения западных журналистов не опираются ни на какую политическую теорию и основаны только на специфических представлениях о российской истории, а также особом отношении к Путину, Медведеву или их ближайшим соратникам.

Некоторые аналитики рассматривают в качестве ключевой составляющей новой политической власти в России не ее военную мощь, а использование газовых и нефтяных богатств в целях «преследования [своих] геостратегических интересов» [Beissinger 2008, p. 6]. Наиболее обстоятельную и завоевавшую массу сторонников версию становления России как мировой державы предложил Маршал Голдман⁹ [Goldman 2008]. И хотя автору данной статьи такая точка зрения кажется не совсем точной, главный тезис Голдмана состоит в том, что Россия «опять стала сверхдержавой... на этот раз энергетической» [Goldman 2008, p. 14]. Несмотря на то, что другие исследователи также упоминают о важности сырьевых ресурсов для современной России, Голдман добавляет, что «Газпром и все российское правительство располагают теперь такой властью над своими европейскими соседями, которая не снилась ни царям династии Романовых, ни даже секретарям коммунистической партии» [Goldman 2008, p. 3]. Россия как никогда обрела уверенность в собственных силах [Goldman 2008, p. 207]. Внешнеполитический потенциал России, как утверждает Голдман, был очевиден еще в период «холодной войны», когда администрация Рейгана пыталась ослабить СССР, перекрыв доступ к западным технологиям и снизив нефтяные цены, таким образом, резко сократив объемы советского экспорта.

Авторы, критически настроенные к современной России, считают, что, в отличие от западных компаний, которые пользуются правом владеть и контролировать собственные ресурсы и действовать как автономные экономические агенты, российские компании на международной арене выступают в роли политических акторов. Мощь России зиждется на *государственном* контроле над ресурсами. Это во многом объясняет идеологическую обеспокоенность Запада относительно реальной или возможной власти российского руководства и, как следствие, частые обвинения России в «недемократичности и авторитарности» ее методов. Западное понимание демократии основано на представлении о взаимодействии независимых ассоциаций и институтов (в частности, бизнеса), тогда как государственные и/или подконтрольные государству компании в эту модель не вписываются. Более того, принято считать, что образ и подобие идеальной демократии как особый тип плюралистического капиталистического общества задают США.

Россия при Путине вернула в государственную собственность ряд предприятий топливной, металлургической и обрабатывающей отраслей. Более того, одновременно усилилось присутствие государства в других частных и смешан-

⁸ В частности, согласно тому же *The Economist* от 12 октября 2006 г.: «A murder, a grudge, deportations and what they say about Russia's worrying political direction. Is it time to use the f-word?», что можно перевести как «Убийство, алчность, депортации и еще что-то о тревожном направлении российской политики. Не пора ли использовать крепкое слово?».

⁹ Бывший директор Дэвисовского центра российских и евразийских исследований при Гарвардском университете, влиятельный экономист, имеющий огромное количество публикаций об СССР и современной России.

ных компаниях, формально работающих в условиях капиталистической рыночной экономики. Это позволило Путину сконцентрировать усилия на выращивании компаний-«национальных чемпионов», поскольку, как он считал, вне зависимости от формы собственности государство может и должно направлять процесс развития в интересах общества в целом. Надо сказать, что в этом отношении действия и намерения российского руководства не сильно отличаются от западных правительств, которые в 2008 г. в целях сохранения экономической (и политической) стабильности взяли под контроль банковскую систему. Разница состоит лишь в том, что администрация Путина-Медведева считает оправданным такой контроль не только в чрезвычайных ситуациях, но и в долгосрочной перспективе.

Те, кто критикует Россию, считают, что нефте- и газопроводы, ведущие в Европу, являются для России источником «такой власти и влияния, которых не было у СССР даже в период холодной войны». Свидетельством тому можно рассматривать прекращение поставок газа на Украину в январе 2006 г. и январе 2009 г. Эти действия были резко раскритикованы на Западе как пример неэкономического поведения (не направленного на максимизацию прибыли), преследующего политический интерес. Изменив конфигурацию политической элиты в стране¹⁰ и убедив общественность в том, какую важную роль могут играть национальные ресурсы во внешней политике, Путин мог приступить к трансформации России в мировую державу.

В ответ на эти действия в 2006 г. польское правительство, возглавляемое президентом Лехом Качиньским, выступило с предложением создать «энергетическое НАТО» на базе Европейского соглашения об энергетической безопасности, которое делало бы возможным применение силы против любой страны, угрожающей поставкам энергоносителей в страны НАТО и страны-союзники, в том числе и в Украину¹¹. Европейские страны не скрывают своей зависимости от внешних поставок энергоносителей, в том числе из России, однако, все правительства стараются защищать интересы национальных компаний¹². В действительности в участии государства в политике компаний, где оно имеет долю, нет ничего превратного. Ни у кого не вызывает сомнения то, что за газовым спорами между Газпромом и Украиной также просматривались и интересы российского правительства. Однако в условиях свободной рыночной экономики отстаивание определенной цены на тот или иной продукт не лишено оснований¹³. В конечном счете в январе 2009 г.

¹⁰ Речь идет об особенностях назначения людей в администрацию президента Путина, о которых, в частности, довольно подробно пишут О. Крыштановская и С. Уайт [*Kryshchanovskaya, White 2003*].

¹¹ Это предложение, тем не менее, не было поддержано ведущими европейскими странами и, в частности, Германией. Автор благодарит Маггиаса Рота за разъяснения по этому вопросу.

¹² Так, например, правительство консерваторов в Великобритании под влиянием Майкла Хезелтайна вступилось против сделки Ford по покупке британского автогиганта Rover. Европейский союз искусственно ограничивает участие иностранного капитала в активах европейских энергетических компаний, а французское правительство нередко включает своих представителей в советы директоров предприятий с государственным участием – та же практика свойственна британскому правительству, некогда владевшему *British Petroleum*.

¹³ Украина потребовала от России (и ее торговых партнеров по газопроводу) выкуп за возобновление поставок газа в Западную Европу. Когда Газпром приступил к переговорам с Украиной в марте 2005 г., цена поставки газа в Украину была в пять раз ниже, чем в соседнюю Турцию, не говоря о том, что украинские потребители реально

Украина была вынуждена принять цену, сопоставимую с той, которую платят за газ западные страны¹⁴. Руководство западных стран нередко вступает за национальные компании, отстаивая их интересы за рубежом¹⁵. Основные торговые партнеры России – Германия и Италия – никогда не ставили под сомнение надежность российских газовых поставок, а причины их срыва скорее следовало искать в том, как обеспечивается транзит на территории Украины. В связи с этим на протяжении всего 2009 г. российские политики предприняли ряд действий, чтобы стимулировать более активное участие ЕС в вопросах обеспечения безопасности поставок энергоносителей на Запад.

Российские компании стремятся выйти на зарубежные рынки и найти партнеров за границей, в чем государство старается им помочь, и в этом нет ничего удивительного. Как еще будет показано, западные компании также пытаются расширить сферу своего глобального присутствия, причем делают это более настойчиво, чем их российские коллеги. Таким образом, считать такую политику отличительной чертой путинского режима было бы в крайней степени несправедливым [Rutland 1999, p. 185].

В конце концов, можно спросить себя, в чем выгода срыва газовых поставок на Запад для российского руководства? Экспорт топлива составляет крупнейшую статью доходов Российской Федерации. Во время газового спора с Украиной в 2009 г. Газпром терял \$100 млн. Отсутствие трубопроводов, ведущих на Дальний Восток, делало бессмысленным сотрудничество в этой сфере с Китаем, поскольку на прокладку новой транзитной линии могло уйти несколько лет. Надежность и бесперебойность поставок топлива представляют для России не только экономический, но и политический интерес. Как бы странно это не прозвучало, но у транзитных государств наподобие Украины гораздо больше мотивов для нарушения условий поставок, поскольку эти страны несут несравненно меньшие потери, чем непосредственные поставщики и непосредственные потребители газа. Однако, несмотря на это, Украина по-прежнему рассматривается Западом как пострадавшая сторона, а не в качестве виновника нарушения газового контракта, к тому же уличенного в воровстве.

Тем не менее, энергетический потенциал России вряд ли стоит рассматривать в качестве основания для ее причисления к клубу мировых экономических держав. Саудовская Аравия, занимающая периферийное положение в мировой по-

платили за топливо меньше, чем российские. В соглашении, которое было достигнуто после приостановки поставок, Украина смогла частично отыграть свои позиции повышением стоимости транзитных поставок на Запад. В 2006 г. цены на российский газ были также подняты для Белоруссии, которая стала все больше склоняться к сотрудничеству с Европой. В 2007 г. тарифы для Украины снова выросли, даже несмотря на назначение на пост премьер-министра пророссийски настроенного политика Януковича.

¹⁴ Подробности газового кризиса 2009 г. хорошо проанализированы в *Russian Analytical Digest* (www.laenderanalytysen.de/rusland, доступно на 31 января 2009 г.). Особого внимания заслуживает отчет Симона Пирани *The Russo-Ukrainian Gas Dispute 2009* (www.quintessential.org.uk/SimonPirani/).

¹⁵ Вспомнить хотя бы эпизод с бойкотом на закупки иранской нефти, когда демократически избранный Мохаммед Моссадек национализировал *Anglo-Persian Oil Company*, предшественника *BP*. Британцы и американцы финансировали переворот, в ходе которого Моссадек был свергнут. Таким образом, военное присутствие в Ираке, инициированное США, было оправдано обеспечением поставок энергоносителей на Запад. И хотя российско-украинский газовый конфликт перерос в огромный скандал, он был исчерпан в течение трех дней (с 1 по 4 января 2006 г.): для сравнения, Моссадек провел в тюрьме три года и до конца своих дней оставался под домашним арестом.

литической системе, служит хорошим примером политических и экономических ограничений, с которыми может столкнуться любой крупный поставщик энергоносителей. Вся следующая часть статьи будет посвящена анализу того, как России не удалось превратить свои энергетические преимущества в конкурентоспособную экономику, и ответу на вопрос, почему она по-прежнему значительно отстает от Западной Европы и Китая.

Россия, как было показано, воспринимается развитым миром как серьезная политическая угроза, однако автор придерживается точки зрения, что причиной тому является не столько экономический потенциал, сколько вызов, который Россия бросила неолиберальному курсу западных держав и глобализации, открыто поддерживаемой США.

Место России в мировой экономической системе

«Вес» страны в сфере международных отношений может быть оценен с помощью целого ряда параметров таких как военная мощь, экономический потенциал, численность и качество населения (его социальный и человеческий капитал), и наконец, система ценностей и идеология, доминирующие в данном конкретном обществе. Чтобы определить, является ли Россия мировой державой, автор последовательно рассмотрит ее экономические достижения, затраты на научно-исследовательские разработки и в целом идеологическую программу администрации Путина/Медведева. В статье будет проанализирован экономический потенциал российских компаний и проведены соответствующие параллели с Китаем, США и Великобританией. В частности, будет продемонстрировано, что, несмотря на свою обеспеченность энергоресурсами, Россия не входит в число ведущих экономических держав мира. Затем автор уделит внимание вопросу о том, почему вес России на международной арене сегодня сильно преувеличен и почему западный мир, несмотря на это, по-прежнему рассматривает ее в качестве «угрозы».

Экономическую мощь капиталистических компаний можно определить двумя способами: во-первых, по объему дохода и, во-вторых, по их рыночной стоимости. По этим основным параметрам компании постсоциалистических стран выглядят довольно невзрачно. Журнал *Fortune* ежегодно публикует список компаний с наибольшими размерами дохода¹⁶. В список включены компании, чьи акции не торгуются на фондовых биржах и, как следствие, не имеющие рыночной стоимости. В номере за июль 2008 г. (данные актуальны на март 2008 г.) был приведен список из 500 самых крупных компаний мира: 153 базировались в США, 64 – в Японии. Значительное число компаний было зарегистрировано во Франции и Германии. Единственное постсоциалистическое государство в этом списке, представленное более или менее значительным числом крупных компаний – Китай (29 корпораций). Из российских компаний в списке было представлено

¹⁶ В список включаются компании, публикующие финансовую отчетность и полностью или частично подлежащие проверке государственными органами.

только 5, четыре из которых относятся к энергетической отрасли и лишь одна – к банковскому сектору (см. *таблицу 1*). Общая прибыль этих компаний невелика по сравнению с крупнейшими западными корпорациями. Газпром, крупнейшая из постсоциалистических компаний по объему дохода, показал значительно меньшую прибыль, чем *Exxon Mobil*.

Таблица 1. **Российские компании в мировом рейтинге 500 крупнейших компаний (по объему дохода)***

Компания и ее место в списке <i>Fortune</i>	Выручка (\$ млн.)	Прибыль (\$ млн.)
Крупнейшие мировые компании:		
1. Wal-Mart Stores	378,799	12,73
2. Exxon Mobil	372,824	40,610
Крупнейшие российские компании:		
47. Газпром	98,642	19,269
90. Лукойл	67,205	9,511
203. Роснефть	36,184	12,862
357. Сургутнефтегаз	23,302	3,466
406. Сбербанк	20,785	4,164

* *Источник: Fortune. Top Hundred Companies, 21 июля 2008 г. <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2008/countries/Russia.html>*

Информация о суммарном доходе и рыночной стоимости¹⁷ 500 крупнейших корпораций, расположенных в Китае, России, Британии и США обобщена на *рисунке 1*. Приведенные данные свидетельствуют об огромном разрыве между США, Россией и Китаем. Доход американских компаний превысил доход российских компаний в 41,7 раза, а сопоставимые данные об их рыночной стоимости свидетельствуют о разрыве в 16,5 раз. Россия и Китай расположились на одном уровне с Канадой, Швейцарией и Испанией и значительно отстают от ведущих европейских стран таких как Великобритания, Германия и Франция.

Forbes провел более масштабное исследование 2000 крупнейших компаний, которое позволяет сделать более точные оценки масштабов экономических различий между странами. Согласно оценочной процедуре каждой компании присваивалось значение индекса, производное от четырех ключевых коммерческих показателей: объема продаж, прибыли, активов и рыночной стоимости. Тем не менее, рассматривать эти данные следует с осторожностью, поскольку полностью государственные компании, не раскрывающие свою отчетность, в представленном списке отсутствуют. В итоговый перечень вошло всего 20 российских компаний. Распределение по отраслям показывает, что крупнейшая группа этих компаний представлена нефтегазовой отраслью (8), за ней следуют остальные сырьевые от-

¹⁷ Используемый здесь индекс рыночной стоимости FT включает компании, как минимум 15% акций которых находятся в свободном обращении. Таким образом, часть компаний, находящихся в собственности государства или закрытых сообществ, может быть недооценена. Согласно FT национальная принадлежность компаний определяется по месту их регистрации и присутствия на торговых площадках и рынках. Данные на 30 марта 2007 г., опубликовано 29 июня 2007 г. на www.ft.com/global_500_2007.

расли (железо, сталь, алюминий, золото, никель – в общей сложности 7 компаний); наконец, в список попали два российских банка, две телекоммуникационные компании и РАО ЕЭС¹⁸. С другой стороны, Китай представлен в списке более чем в два раза большим числом компаний (44), которые к тому же охватывают значительно большее число отраслей. В 2007 г. самыми многочисленными оказались китайские банки (9), затем компании, производящие материалы (8), транспорт (7), страхование (3), коммуникации (3) и т.д.

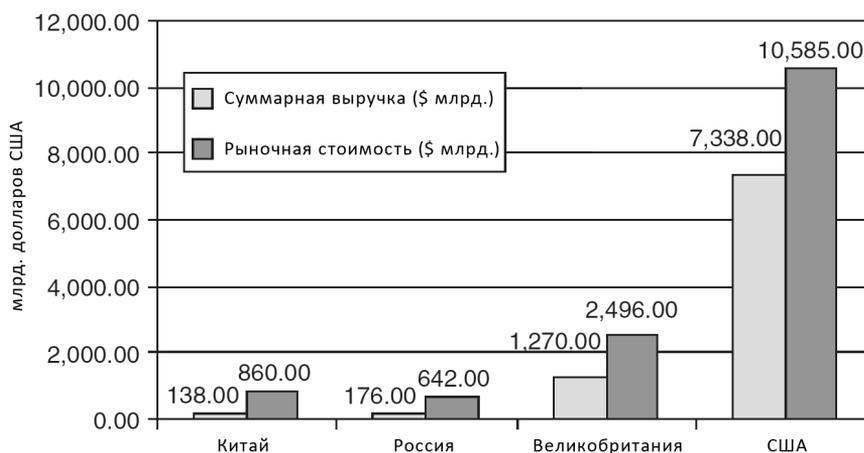

Рисунок 1. **Общий доход и рыночная стоимость 500 крупнейших компаний: США, Великобритания, Россия и Китай, 2007***

* *Источники: Fortune. Top Hundred Companies, 21 июля 2008 г. <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2008/countries/Russia.html>; Global 500. 2007. Взято с www.ft.com/global500_2007_by_country 19 октября 2007 г. Данные по Китаю не включают Гонконг, в котором насчитывалось 8 компаний общей стоимостью \$393,079 млн.*

Даже с учетом отмеченных выше недостатков данных они наглядно демонстрируют, что экономическая мощь России и Китая, измеряемая наличием крупных компаний, все еще намного ниже потенциала западных стран, в особенности, США. К тому же если портфель китайских крупнейших корпораций весьма диверсифицирован по отраслям, то в России компании-гиганты концентрируются в основном в первичном секторе – нефтяной, газовой и прочих сырьевых отраслях, при этом высокотехнологичные отрасли не представлены вовсе. Более того, несмотря на наличие значительных золотовалютных резервов и наличных денег, Россия едва ли может претендовать на роль одного из мировых финансовых центров.

¹⁸ The Global 2000. www.forbes.com. Данные на 29 марта 2007 г., доступно на 21 октября 2007 г.

Структура экспорта

Выше уже упоминались авторы, подчеркивающие особое место экспорта энергоносителей в российской экономике и внешней политике. Однако если смотреть на эту ситуацию шире, то экспортная зависимость отнюдь не является сильной стороной. Важность такой статьи экспорта как продажа энергоносителей относительно других стран и других типов экспортируемой продукции можно оценить с помощью информации, представленной на *рисунке 2*, где показаны три основных статьи экспорта Российской Федерации в сравнении с аналогичными статьями экспорта ведущих западных стран.

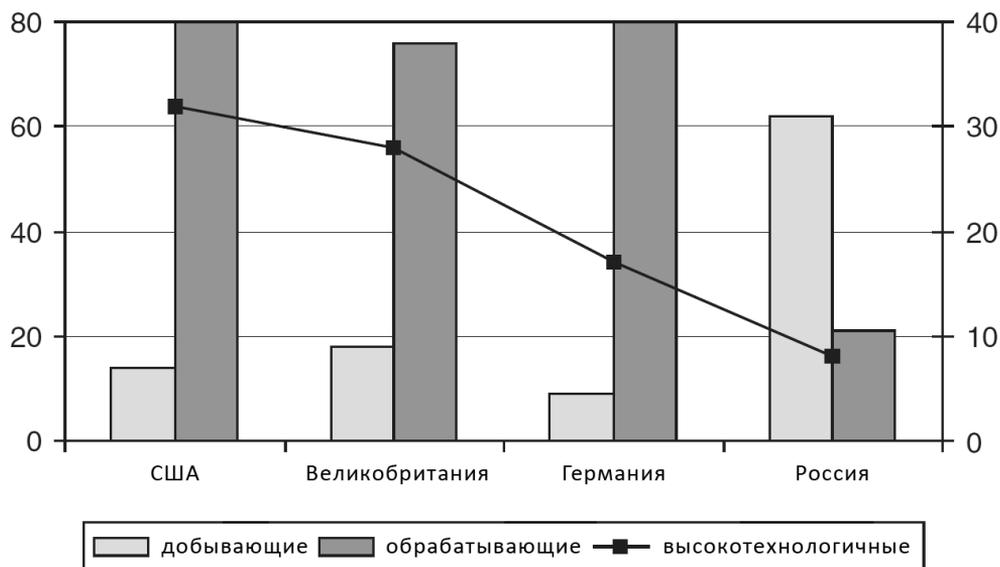

Рисунок 2. Структура экспорта: США, Великобритания, Германия и Россия (сырье, продукция обрабатывающей отрасли и сектор высоких технологий)*

* *Примечание:* Численные показатели по сырью и продукции обрабатывающей промышленности (2004 г.) отложены по левой оси (в %); по высокотехнологичной продукции (в % от экспорта несырьевой продукции, 2005 г.) — по правой оси.

Источники: Human Development Report 2006. New York: Palgrave Macmillan, 2006. p. 339; World Development Indicators 2007. Washington DC: World Bank, 2007. p. 308-310.

Как можно заметить, экспорт продукции обрабатывающей отрасли в России развит достаточно слабо, тогда как экспорт высокотехнологичных отраслей и вовсе

находится на крайне низком уровне¹⁹. В целом структура российского экспорта довольно заметно смещена в пользу энергоносителей – на продукции соответствующей отрасли в 2004 г. приходилось 62%²⁰. *Рисунок 2* иллюстрирует асимметричное соотношение между различными статьями экспорта в посткоммунистических странах, Великобритании и США. В число первых пяти групп товаров с наибольшим объемом экспортных продаж в России в 2002–2003 гг. попали сырая нефть (2%), природный газ (14%), вооружение (12%), нефтепродукты (11%) и алюминий (3%). Основные статьи экспорта в США: транзисторы (6,5%), самолеты (6%), запчасти для автомобилей (4%), специальные сделки (3,2%), легковые автомобили (3,1%). В Великобритании основными продуктами, реализуемыми за рубежом, являются легковые автомобили (5,6%), фармацевтические продукты (5,6%), телекоммуникационное оборудование (5%), сырая нефть (5%) и двигатели (3,7%). В 2004 г. Россия в общей сложности обеспечивала 9% мировых поставок нефти и 18% поставок газа. Производство США было сконцентрировано преимущественно на высокотехнологичной продукции: американские товары составляли 17% мирового рынка транзисторов и 36% рынка авиационной техники. Продукция Великобритании занимала 4,7% мирового рынка легковых автомобилей и 9% рынка фармацевтической продукции [UNCTAD 2005]. Пожалуй, единственной достаточно мощной экономической державой в постсоциалистическом мире является на сегодняшний день Китай. В 2004 г. 8% его экспорта составляло оборудование для автоматизированной обработки данных, 6,3% – телекоммуникационное оборудование, 4,5% – офисная техника, 3,5% – игрушки и спортивные товары, 3,3% – обувь. Важно отметить, что доля Китая на мировом рынке компьютерной техники составила 15,6%, а телекоммуникационного оборудования – 11% [UNCTAD 2005, p. 163].

Общий вывод, который можно сделать на основании проведенного анализа, заключается в том, что, несмотря на вхождение постсоциалистических стран за исключением Китая и Венгрии (которой автор не уделяет специального внимания в данной работе) в глобальную экономическую систему, это включение не способствовало улучшению позиции этих стран в системе международной торговли, а где-то и вовсе привело к смещению структуры экспорта в пользу товаров с низкой добавленной стоимостью вследствие неконкурентоспособности продукции высокотехнологичных отраслей. С этой точки зрения российская экономика все еще остается достаточно слабой, что никак не позволяет назвать ее одной из ведущих экономических держав. С другой стороны, на эту роль вполне может претендовать Китай, хотя его положение относительно США по-прежнему недостаточно убедительно.

Одной из причин такой отсталости, по-видимому, является низкий уровень исследований и инноваций. Как показано на *рисунке 3*, США, возглавляющие перечень промышленно развитых капиталистических стран, значительно обгоняет по данному показателю все остальные государства. По абсолютным затратам

¹⁹ Низкая доля высокотехнологичной продукции в экспорте характерна также для других постсоциалистических стран Европы, за исключением, разве что Венгрии [UNCTAD 2005, p.168].

²⁰ При этом реальный объем экспортируемых энергоносителей может быть недооценен, поскольку существует практика, по которой для сокращения налоговых выплат газо- и нефтепродукты регистрируются как продукция других отраслей.

на научно-исследовательские разработки США лидируют вместе с Японией, которая к тому же обгоняет остальные страны еще и в относительном выражении. В отличие от большинства западных стран Китай и Россия расположились в другой «весовой» категории. Различия можно продемонстрировать на следующем примере: американская компания *Ford Motor Company* в 2004 г. потратила на исследования и разработки в общей сложности \$7,2 млрд, тогда как вся Россия – лишь \$4,3 млрд, что примерно соответствует абсолютным затратам немецкой компании *Volkswagen* [UNCTAD 2005, p.120]. В число 700 компаний с крупнейшими исследовательскими бюджетами попали 296 компаний США, 42% от общих затрат которых ушло на развитие новых технологий. Следом идут японские (22%) и немецкие компании (7,6%). Для сравнения доля соответствующих затрат в Китае составляет только 0,3%, а в России этот показатель настолько мал, что ее компании вовсе не попали в этот перечень [UNCTAD 2005, p. 121]. Если взять альтернативные показатели, характеризующие степень инновационности национальной экономики, такие как количество выдаваемых патентов или глобальные рейтинги университетов, положение России по отношению к западным странам также оказывается весьма незавидным²¹.

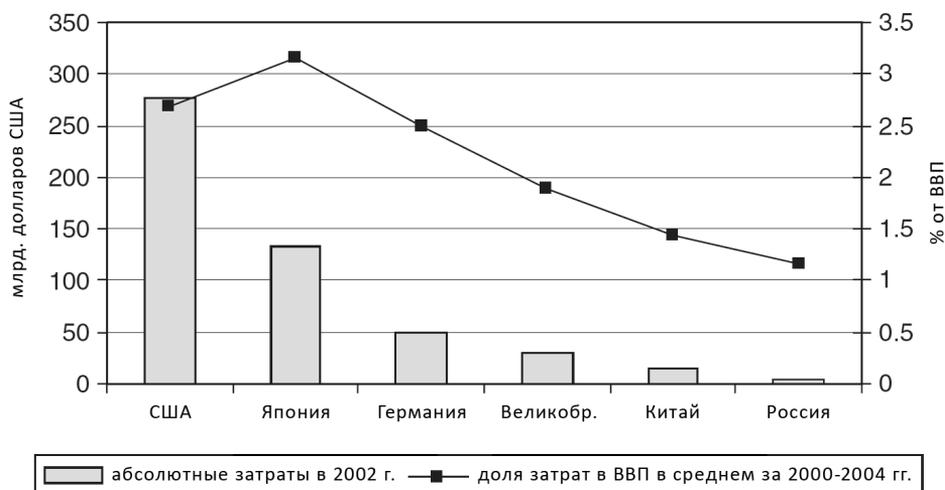

Рисунок 3. Научно-исследовательские разработки (НИР) в США, Японии, Германии, Великобритании, Китае и России*

* Источники: суммарные затраты на НИР – UNCTAD World Investment Report 2005. Geneva and New York: United Nations, 2005. p. 105; доля затрат на НИР в ВВП – World Development Indicators 2007. Washington DC: World Bank, 2007. p. 308-310.

²¹ Прим. редактора: В оригинальной версии своей статьи автор не приводит факты, позволяющие ему прийти к такому заключению. Однако читатель может ознакомиться с ними в более ранней статье Д. Лэйна, опубликованной в «Мире России». См. его статью «Мировой капитализм и трансформация государственного социализма» // Мир России. 2009. № 1. с. 63-66.

Россия в мировой системе: слабая гибридная экономика

Как уже было сказано, есть все основания полагать, что посткоммунистические страны стали частью мировой экономической системы, причем, лучшим образом в эту систему встроились государства Центрально-Восточной Европы, о чем свидетельствует факт их недавнего включения в состав Европейского союза. Россия же, напротив, испытала серьезные трудности с продвижением своих компаний на глобальном уровне и развитием собственных транснациональных корпораций. Сегодня ее экономика представляет собой своеобразный гибрид, в котором сочетаются раздутый сектор, ориентированный на экспорт природных ресурсов, и деградирующая на этом фоне обрабатывающая промышленность. Неудивительно, что в такой ситуации лучше всего в мировую экономику интегрированы именно энергетические отрасли, где сформировались крупнейшие российские транснациональные компании. Что касается высокотехнологичной продукции в структуре национального экспорта бывших социалистических стран (и Россия здесь далеко не исключение), то доля таких товаров весьма незначительна. И хотя определенные успехи, связанные с оживлением обрабатывающих отраслей, демонстрируют государства, недавно принятые в Евросоюз, их затраты на научные исследования и развитие новых технологий по-прежнему держатся на крайне низком уровне по сравнению с западными странами.

В отличие от подавляющего числа постсоциалистических стран (прежде всего, новых членов ЕС) российская экономика характеризуется высокой концентрацией государственной собственности и слабым присутствием иностранных компаний, что значительно ограничивает ее участие в мировой экономической системе. Представители российской военной и политической элиты (не являющиеся предметом рассмотрения в данной работе) также слабо интегрированы в сети, связывающие элиты ведущих западных стран, в то время как включение восточноевропейских стран в организации ЕС и НАТО способствовало упрочнению их контактов с Западом, чего нельзя сказать о России.

Основным предположением, из которого исходили сторонники интеграции в мировую экономику как до, так и после падения социализма, состояло в том, что от этого выигрывают все. Тем не менее, подобные рассуждения редко учитывают, что страны делятся на богатые и бедные, экономически развитые и экономически отсталые, располагающие военным потенциалом и лишенные его. Вряд ли кому придет в голову спорить с тем, что развитые западные страны будут всячески стремиться сохранить свое превосходство в сфере высоких технологий, финансовых услуг, владении интеллектуальной и физической собственностью, поскольку экономическая мощь является залогом их политического лидерства в мире. В этой связи следует упомянуть и тот факт, что количество и качество имеющегося в западных странах оружия массового поражения не имеет себе равных. В то же время страны, лежащие на периферии мир-системы, находятся в заведомо менее выгодном положении и вынуждены мириться с оттоком прибыли и рабочей силы в обмен на прямые иностранные инвестиции и готовую продукцию.

Перед лицом экономической и военно-политической мощи Запада у многих периферийных стран зачастую нет другой альтернативы, кроме принятия сотру-

ничества на условиях, продиктованных западными правительствами. С другой стороны, некоторые страны (Бразилия, Индия, Россия и Китай), относящиеся к «полупериферии», не лишены возможности сопротивляться давлению, которое оказывает на них ядро капиталистической мир-системы. «Полупериферия» может служить площадкой для возникновения альтернативных государственных объединений, способных на равных взаимодействовать со странами капиталистического ядра, но при этом не являющихся его частью – так же, как некогда взаимодействовали социалистические государства со странами Запада до распада Советского Союза. Основное преимущество подобных объединений заключается в возможности развивать региональные рынки и устанавливать политические союзы, обеспечивающие их участникам значительную свободу в принятии решений и относительную независимость от глобальной экономики. С этой точки зрения у Российской Федерации альтернатив немного. Членство в Евросоюзе, который может рассматриваться в качестве примера такого регионального объединения, в самой России всерьез не обсуждается. С другой стороны, ее участие во Всемирной торговой организации поставит страну в достаточно жесткие условия, которые могут оказаться губительными для ее экономики и, в частности, для развития собственных обрабатывающих отраслей. Гораздо более желательной альтернативой для России представляется экономическая и политическая интеграция на базе Содружества независимых государств, в котором она могла бы стать центральным звеном. Добиться этого было бы намного проще в рамках модели государственного капитализма²², чем на условиях той неолиберальной модели, которая навязывается развивающимся странам участниками глобальной экономики. С этой точки зрения более подходящим примером для подражания в России является скорее стейтистский Китай, чем неолиберальный Запад.

Российский государственный капитализм и «суверенная демократия»

Неприязнь к политике Путина на Западе и ее извращенное представление неолиберальными СМИ можно объяснить весьма недвусмысленным стремлением российского лидера воплотить в стране национальную модель развития, управляемую государством. Однако в действительности Россия ни в экономическом, ни в военном плане не представляет реальной угрозы для западных стран. Единственная угроза, которую таит в себе порядок, установившийся в новой России, заключается в его несовместимости с неолиберальными принципами в мировой экономике, в высшей степени выгодными для таких стран как США. В отличие от предыдущих российских реформаторов Горбачева и Ельцина, которые культивировали положительный образ «Запада», Путин сделал ставку на противостоянии США и их мировому превосходству. При этом под противостоянием подразумевалась не военная

²² Применительно к данной модели капитализма автор использует термин «государственный» («state-led») неслучайно, подразумевая, что государство непосредственно или косвенно участвует в управлении национальными компаниями для обеспечения их продвижения на внешних рынках.

конфронтация, а необходимость отстаивать национальные интересы в экономической, политической и моральной плоскостях. Эта идеология, в частности, находит свое отражение не только во взглядах нынешней правящей партии «Единая Россия», но и в заявлениях ведущих государственных лиц, сформулировавших основные принципы новой модели в терминах корпоративной экономики, демократии, самобытности и суверенитета.

Корпоративная экономика, сформировавшаяся в России, основана на совмещении рынка с элементами государственно-частного партнерства, в котором государство осуществляет координирующую функцию. Оппонируя западным представлениям об экономике, Путин подчеркивает коллективистскую и *корпоративистскую* природу российского общества:

[Российское] общество желает восстановления направляющей и регулирующей роли государства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны [...]. Это факт, что в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом. Факт и то, что в российском обществе глубоко укоренены патерналистские настроения. Улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой, предприимчивостью, сколько с помощью и поддержкой со стороны государства и общества... [Путин 1999].

Руководство страны не преминуло воспользоваться частью экономической ренты, извлекаемой от сырьевого экспорта, для финансирования социальных программ, внедрения инноваций и модернизации технической базы экономики. В мировой политике Путин и Медведев стали позиционировать себя как оппоненты «однополярному миру», в котором роль лидера отведена США. В качестве идеологического обоснования путинского режима спикер президента Владислав Сурков ввел идею «суверенной демократии» [Сурков 2006, с. 13–16]. Согласно Суркову, «суверенитет – это синоним политической конкурентоспособности» [Сурков 2006, с. 14]. В отличие от Советского Союза и в соответствии с опытом Китая, Россия готова стать частью мировой системы, отдавая себе отчет в губительности изоляционизма, но страна должна сохранить свой «суверенитет», которому угрожает мировой неolibеральный порядок. С точки зрения Суркова, государственный суверенитет является необходимым условием для успешной «конкуренции» в международной политической и экономической сфере: сохранность российского суверенитета предполагает противодействие иностранному влиянию внутри России в различных его проявлениях, будь то транснациональные корпорации или гражданские организации, проповедующие западные ценности и способные подорвать устои государства (как это наглядно продемонстрировали «цветные революции»).

Для достижения «настоящей демократии» и «настоящего суверенитета», в терминологии самого Путина, им были приняты весьма эффективные меры для устранения системной оппозиции внутри страны. Во-первых, ему удалось ослабить власть «олигархов», а во-вторых, побороть внешнюю угрозу, которую, с его

точки зрения, представляет «глобальная демократия». Эта политика действительно привела к снижению западного влияния на Россию, однако, с другой стороны, именно это стало причиной неприязни к Путину и резкой оценки российской политики на Западе.

«Демократия», в представлении Сурков, значительно расходится с западной моделью «электоральной демократии», заимствованной некоторыми постсоциалистическими странами, недавно принятыми в Европейский союз. Принципиальное отличие заключается в том, что определение «демократии», принятое сегодня на Западе, не содержит каких-либо специальных оговорок, касающихся внутреннего социально-экономического устройства общества [Fish 2005, p. 17–19]. И хотя понятие «либеральной демократии» разные авторы определяют по-разному, все они сходятся в одном. Так, согласно Ларри Даймонду, «...термин "демократия" как в политике, так и в науке должен рассматриваться исключительно как способ политической организации» [Diamond 1999, p. 8]. Филипп Шмиттер и Терри Карл ограничиваются простой трактовкой «демократии» как «системы управления государством» (*'a system of governance'*) [Schmitter, Karl 1993, p. 50]. В своих «десяти требованиях» Арчи Браун определяет демократию как совокупность ограничений, накладываемых на политическую систему общества [Brown 1999]²³. Таким образом, либеральная демократия практически всеми авторами рассматривается как политический режим, в котором соблюдается свободная, честная и открытая конкуренция за голоса избирателей и гарантируется признание результатов выборов по итогам голосования²⁴. Тем не менее, западные правительства, поддерживающие трансформационные процессы в постсоциалистических странах, стремятся навязать им дополнительные условия, которые преподносятся в качестве неотъемлемой институциональной основы демократических режимов, как то: рынок, частная собственность, право и автономные ассоциации, составляющие основу гражданского общества. Следуя этой логике, концепция политической демократии в версии, отстаиваемой перечисленными выше авторами, является не совсем полной и в таком случае требует уточнения в терминах, изложенных выше. На деле же они трактуют демократию в соответствии с их собственными интересами (или интересами тех, с кем они связаны). Призывая Россию «вернуться к демократии», западные политики в действительности ратуют за ослабление российской государственности, которое экономически и политически выгодно им самим.

Нынешнее российское политическое руководство рассматривает «демократию» не с точки зрения «правильной» организации электорального процесса, а с точки зрения приемлемости результатов выборов и их социальных последствий. «Демократия» представляет собой такое государственное устройство, которое устраивает большинство населения и которое работает в интересах улучшения их

²³ А. Браун рассматривает следующие требования: свобода собраний и самовыражения, выборность властей, свобода доступа к информации, альтернативность источников информации, наличие честных и свободных выборов, политическая ответственность и верховенство права и т.д.

²⁴ Большинство американских и британских политологов придерживаются именно этого подхода, который берет свое начало у Йозефа Шумпетера, чье определение демократии звучит как «институциональная среда для принятия политических решений, в которой индивиды обретают право принимать решения в итоге конкурентной борьбы за голоса избирателей» [цит. по Schmitter, Karl 1993].

собственного благосостояния. К числу «демократических институтов» Сурков, в частности, относит структуры, борющиеся с терроризмом, экстремизмом и коррупцией. Бедность, согласно его мнению, также является нежелательной чертой демократии: «Наша демократия должна показать свою эффективность в борьбе с бедностью» [Сурков 2006]. Демократическое общество – это такое общество, которое защищает интересы людей и их благосостояние с их же согласия, которое обеспечивается выборами и доверием президенту. Для российского руководства «суверенная демократия» должна стать залогом развития, «экономического процветания», «политической стабильности» и высокого культурного уровня [Сурков 2006].

С другой стороны, Шмиттер и Карл дают понять, что «установление демократии» не является условием для автоматического разрешения политических, экономических, административных и культурных проблем [Schmitter, Karl 1993, p. 59]. Они предполагают, что «демократизация не обязательно ведет к экономическому росту, социальному спокойствию, эффективности руководства, политической гармонии, свободному рынку или «свержению идеологии»» [Schmitter, Karl 1993, p. 51]. Этой же точки зрения придерживается Сэмюэл Хантингтон: «Демократия является лишь одним из достоинств общества, но не единственным, и связь демократии с другими добродетелями и пороками общества можно понять только в том случае, если точно определить отличие демократии от параметров существующих политических систем» [Huntington 1991, p. 9–10]. В строгом смысле термины, которыми оперирует Сурков, относятся не к «демократическим» чертам выборного процесса (хотя некоторых из них в России действительно не хватает), а к политически желательным результатам, т.е. условиям, необходимыми для достижения «благополучной жизни», включая доступность соответствующих общественных и частных услуг для населения. Подобные притязания имеют много общего с социалистическими идеями на Западе. Российское руководство также не считает, что усиление государства в публичном пространстве является сколько-нибудь «недемократичным», поскольку президент действует «с согласия народа» (что, кажется, подтверждается опросами общественного мнения и результатами выборов) и пользуется соответствующей поддержкой электората. Очевидно, что Сурков, Путин и Медведев пытаются охарактеризовать российскую систему как «демократическую», поскольку демократия является единственно приемлемой идеологией в современной мире. В этом смысле они ничем не отличаются от политических лидеров других государств: более того, российские лидеры нисколько не ставят под сомнение такие базовые составляющие демократии как необходимость осуществлять власть с согласия народа и лежащий в основе этого избирательный процесс.

Россию часто обвиняют в том, что она представляет экономическую и военную угрозу для Запада, что, на взгляд автора, не имеет под собой никакой почвы. Причина, по которой Путин и его сподвижники столь неодобрительно воспринимаются на Западе, заключается в том, что современная российская политика по существу бросает вызов экспансии западных идей в те части света, которые сегодня стремятся обрести самостоятельность и не хотят мириться с однополярностью глобальной системой. Российская «суверенная демократия» представляет идеологическую и политическую оппозицию современному западному пониманию «глобальной демократии». По всей видимости, опасения западных стран

связаны с тем, что Россия, подобно Советскому Союзу, служившему источником альтернативной культуры, политических институтов и системы ценностей, может предложить миру свою модель развития, элементы которой сегодня обнаруживаются в Индии, Китае и некоторых странах Латинской Америки. У этой модели и на Западе вполне могут найтись сторонники, заинтересованные в укреплении суверенитета своих государств как способе сохранения демократии, которая, по широкому мнению, подрывается силами, стоящими во главе процесса политической и экономической глобализации.

Литература

- Концепция внешней политики РФ, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 г.
- Концепция национальной безопасности РФ в редакции, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 10 января 2000 г.
- Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30 декабря 1999 г.
- Российский статистический ежегодник. 2008: статистический сборник. М.: Росстат, 2008.
- Сурков В. Основные тенденции и перспективы развития современной России. М.: Современная гуманитарная академия, 2006.
- Чадаев А. Путин. Его идеология. М.: Европа, 2006.
- Beissinger M.R. The Persistence of Empire in Eurasia // NewsNet. 2008. 48(1).
- Brown A. Russia and Democratization / Problems of Post-Communism. 1999. 46(5).
- Diamond L. Deepening Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2005.
- Goldman M. Petrostate: Putin, Power and the New Russia. New York: Oxford University Press, 2008.
- Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. 19(4).
- Human Development Report 1990. New York and Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Human Development Report 2000. New York and Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Human Development Report 2006. New York, Houndmills, Basingstoke and Hampshire: Palgrave Macmillan, 2006.
- Kanet R.E. Russia: Re-Emerging Great Power. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Kitschelt H., Lange P., Marks G., Stephens J.D. Convergence and Divergence in Advanced Capitalist Democracies / Kitschelt H., Lange P., Marks G., Stephens J.D. (Eds.) Continuity and Change in Contemporary Capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Lomagin N.A. Forming a New Security Identity Under Vladimir Putin / Kanet R.E. Russia: Re-Emerging Great Power. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Lucas E. The New Cold War. London: Bloomsbury, 2008.
- Rutland P. Oil Politics and Foreign Policy / Lane D. The Political Economy of Russian Oil. New York: Rowman & Littlefield, 1999.
- Schmitter P.C., Karl T.L. What Democracy Is ... and Is Not / Diamond L., Plattner M.F. (Eds.) The Global Resurgence of Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
- UNCTAD. Handbook of Statistics. New York and Geneva: United Nations, 2005.

Перевод с англ. А.П. Поминова
Редактор перевода Г.А. Ястребов